

ПОЖАЛУИ, самый большой комплимент, который можно сделать художнику, — исследователь. Из русских писателей-реалистов предреволюционной поры не всем подходит в такой же степени этот высокий титул, как Александру Ивановичу Куприну. Ни одного придуманного сюжета, ничего «сочиненного», а вместе с тем какая высокая и чистая художественность! Тут просится и еще одно определяющее почетное слово — мастер.

Каждое произведение — почти очерк, но оно же — поэма. «Олеся», «Гранатовый браслет», несравненные «Листригоны», «Изумруд», пирковые рассказы, наконец, «Поединок» — за что ни возьмись, все у Куприна дышит непреложной достоверностью, с одной стороны, и высокой поэзией — с другой. Ибо, если исследователь-ученый должен быть как минимум добросовестным, то исследователь-художник должен быть еще и страстным и даже, если хочется, пристрастным.

Да, добросовестность, конечно, прежде всего. Исследователь-ботаник, обнаружив неизвестный цветок о пяти лепестках, не напишет, что лепестков было шесть. Сама мысль о таком поведении ботаника нелепа, абсурдна. Но мы же знаем, что на протяжении веков были исследователи-художники, писатели в том числе, которые называли белое черным и наоборот.

Куприн был кристально добросовестным исследователем. От зловонных язв до высот человеческого духа — вот его по-

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИЗНИ

К столетию со дня рождения А. И. Куприна

ле деятельности. Без патоки и без злопыхательства. Без черных и без розовых очков. При свете огня, столь необходимого художнику, — страсти. Сам перепробовавший множество человеческих профессий, влюбленный в жизнь, Куприн знал, кажется, все, и это давало ему ту радостную свободу в обращении с материалом, которую ощущаем и мы, читая его произведения.

«Я бродяга и страстно люблю жизнь. Я был токарем, наборщиком, сеял и продавал табак, махорку-серебрянку, плавал кочегаром по Азовскому морю, рыбал на Черном — на Дубининских промыслах, грузил арбузы и кирпич на Днепре, ездил с цирком, был актером — всего и не упомяну. И никогда меня не гнала нужда. Нет, только безмерная жадность к жизни и вестерпийское любопытство... я хотел бы на несколько дней сделать лошадыю, растением или рыбою, или побыть женщиной и испытать роды; я хотел бы пожить ввнутренней жизнью и посмотреть на мир глазами каждого человека, которого я встречаю». Так устами одного

из своих героев говорит Куприн.

И все же никто не скажет, что Куприн был исследователем жизни вообще и хватал и тащил на бумагу все, что попадало под руку. Он был исследователем человечности в человеке и того отвратительного в действительности, что на эту человечность посягало. Он нарисовал жестокое, беспощадное чудовище, калечащее и пожирающее людей, которое на политическом языке называется капитализмом и которое у художника обрело черты мифологического Молоха. Он искал в жизни и в людях Любовь с большой буквы и населял этими людьми свои рассказы, повести и романы, будь то посетители портового кабака («Гамбринус»), будь то мелкий чиновник Желтков («Гранатовый браслет»).... Но умел и ненавидеть, быть беспощадным, когда вглядывался в людей пошлых и чванливых, нравственно изуродованных буржуазным обществом («Поединок»). Куприн был писателем остро социальным, с повышенным чувством справедливости, тяготеющим не к

олигархическим вершинам общественной пирамиды, но к ее широкому, демократическому основанию.

Имя одного писателя сочтается в нашем сознании с ледяным, пусть и ослепительным, блеском, другого — с почти болезненной психологической утонченностью, третье — отдает сарказмом. Куприн — имя теплое, доброе, светлое. В его книгах мы на земле, среди людей понятных и близких нам, вызывающих наше сочувствие либо нашу неприязнь.

К моменту Октябрьской революции Куприн состоялся как первоклассный писатель, и когда мы ставим его имя в ряд других блестящих имен, оно не меркнет в этом ряду. В самом деле: Толстой, Чехов, Горький, Куприн, Короленко...

Если бы в день своего столетия Куприн сидел в президиуме, а мы выходили на трибуну произносить юбилейные речи, неужели и в этот день мы сосредоточили бы свое внимание на том периоде его жизни, который прошел в Париже? Хотя, конечно, из песни слова не выкинешь. Творческий и жизненный путь Куп-

рина был сложным, противоречивым. В книгах о его жизни и творчестве можно прочитать об этом примерно следующее: он не понимал подлинного смысла революционных событий, исторической роли масс, нередко приписывая им «стихийные» и «разрушительные» инстинкты. Все так. Но при этом период эмиграции был для Куприна огромной, безысходной трагедией. Он не принадлежал к числу писателей, для которых годится и гидропоника, ему нужны были почва, земля, притом — родная земля. У выдернутого из почвы растения остаются на корешках комочки материнской земли. Эти-то приставшие комочки и питали, пока могли, творчество Александра Ивановича в эмиграции. Но растение было сильное, могучее, ему нужны были не крупинки, а весь черноземный пласт, оно истощалось, погибало. Сам Куприн сказал так: «Есть люди, которые по глупости, либо от отчаяния утверждают, что и без родины можно. Но, простите меня, это все притворщи перед самими собой. Чем талантливее человек, тем труднее ему без России».

А Куприн был очень талантливым.

Ему полагалось место в Сан-Женевьев-де-Буа, на русском кладбище в предместье Парижа. Но сколько бы мы ни бродили по печальным березовым аллеям этого места, мы не встретим там плиты с именем Куприна. Прах его покоится в родной земле, а имя его, книги его живут в родной и великой литературе.

Вл. СОЛОУХИН.